

Содержание

ISSN 2587-8190

Екатерина Мамыкина. Антиномия падения и спасения града в «Казанской истории»	3
Светлана Федотова. Отрывок Пушкина «Вы так откровенны и снисходительны...». (К проблеме жанра)	13
Константин А. Богданов. Пьянство и русская литература: Риторические модели	23
Константин Лаппо-Данилевский. Вячеслав Иванов в диалоге со школой А. А. Потебни и утверждающимся формализмом	42
Лада Панова. Плохопись, вошедшая в золотой канон: как ее комментировать?	89
Андрей Устинов. Маяковский в «Русском Берлине» весной 1924 года	135
Дмитрий Цыганов. «Борьба за право управлять»: К институциональной истории культурных конфликтов сталинской эпохи (1930–1940-е годы)	154
Наталья Крайнева, Яков Слепков. «Немного географии» Анны Ахматовой: Попытка расширенного комментария	174
Сусан Аштарани. Понимание и интерпретация романа В. В. Набокова «Лолита» в Иране в аспекте рецептивной эстетики	194

Тираж 500 экз.

Редакция:

А. А. Кобринский (главный редактор),
С. К. Коломийцева,
А. С. Пахомова

Адрес редакции

191036, Санкт-Петербург, 1-я Советская ул., д. 10, лит. К.
Тел. (812) 449-52-50. E-mail: summerschool@list.ru

2023 XIX (1-2)

Летняя школа по русской литературе

ЛЕТНЯЯ ШКОЛА ПО РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

2023 (1-2)

международная летняя школа
по русской литературе

Выходит 4 раза в год
Редакционный совет:

Проф. А. А. Кобринский (Санкт-Петербург, Россия), председатель
К. ф. н. А. Ю. Балакин (Санкт-Петербург, Россия)
Проф. И. Ю. Виноцкий (Принстон, США)
Проф. А. А. Долинин (Мэдисон, США)
Проф. А. К. Жолковский (Лос-Анджелес, США)
Проф. К. Ю. Лаппо-Данилевский (Санкт-Петербург, Россия)
Проф. М. Ю. Люстров (Москва, Россия)
Г. В. Обатнин, PhD (Санкт-Петербург, Россия / Хельсинки,
Финляндия)

<http://schoolssummer.jimdo.com>

Свидетельство о регистрации средства массовой информации

ПИ № ФС 77 – 63198 от 1 октября 2015 года

Индекс по каталогу подписки «Урал-пресс»: ВН017186

ISSN 2587-8190 = Letnáâ škola

Журнал включен в перечень рецензируемых научных изданий ВАК, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук по специальностям 5.9.3. Теория литературы (филологические науки) с 01.02.2022 г. и 5.9.1. Русская литература (филологические науки) с 20.12.2022 г.

© Авторы статей, 2023

© «Летняя школа по русской литературе», 2023

Contents

Ekaterina Mamykina. Antinomy of the Fall and Rescue of the City in the «Kazan History»	3
Svetlana Fedotova. Pushkin's Excerpt «You are So Frank and Condescending...» (<i>On the Problem of Genre</i>)	13
Konstantin Bogdanov Drunkenness and Russian Literature: <i>Rhetorical Models</i>	23
Konstantin Lappo-Danilevskii. Viacheslav Ivanov in Dialogue With The School of A. A. Potebnia and Early Formalism	42
Lada Panova. Bad Writing Canonized: <i>How to Reflect it in Commentaries?</i>	89
Andrei Ustinov. Mayakovsky in «Russian Berlin» in the Spring of 1924	135
Dmitry Tsyganov. «Fighting for the Right to Rule»: <i>Towards an Institutional History of the Cultural Conflicts of the Stalinist Era (1930–1940s)</i>	154
Nataliia Kraineva, Iakov Slepkov. «A little geography» by Anna Akhmatova: <i>an Attempt at Extended Commentary</i>	174
Sousan Ashtarani. Understanding and Interpretation of V. Nabokov's Novel «Lolita» in Iran in the Aspect of Reader-Response Criticism	194

Editorial Board

Alexander Kobrinsky (Chief Editor), Sophia Kolomiitseva,
Aleksandra Pakhomova

Editorial address

191036, St.-Petersburg, 1st Sovetskaya ul., 10, lit. K.
Phone number: (812) 449-52-50.
E-mail: summerschool@list.ru

КОНСТАНТИН А. БОГДАНОВ
(Санкт-Петербург)

ПЬЯНСТВО И РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА: *риторические модели*

Статья посвящена теме пьянства в русской литературе как примете ее мотивной и биографической традиции. В центре внимания связь этой традиции с проблематизацией самой риторики как теории и практики (само)убеждающего красноречия. По мнению автора, применительно к истории русской культуры XIX—начала XX века особенностью этой связи стала своеобразная апология пьянства как равно литературного и жизненного выбора.

Ключевые слова: пьянство, русская литература, риторика, Игорь Северянин, К. Фофанов.

Информация об авторе: Константин Анатольевич Богданов, ведущий научный сотрудник Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН. Санкт-Петербург, Россия.

E-mail: konstantin.a.bogdanov@gmail.com

Drunkenness and Russian Literature: *Rhetorical Models*

The article is devoted to the topic of drunkenness in Russian literature as a sign of its motive and biographical tradition. The focus is on the connection of this tradition with the problematization of rhetoric itself as a theory and practice of (self)persuasive eloquence. According to the author, in relation to the history of Russian culture of the 19th—early 20th century, a peculiarity of this connection was a kind of apology for drunkenness as a literary and life choice.

Key words: drunkenness, Russian literature, rhetoric, Igor Severyanin, K. Fofanov.

About the author: Konstantin Bogdanov, Leading Researcher, Institute of Russian Literature (Pushkinskij Dom), Russian Academy of Sciences. St. Petersburg, Russia.

E-mail: konstantin.a.bogdanov@gmail.com

DOI 10.48612/sum-2023-19-1-2-23-44

Настоящая статья представляет собою расширенную версию комментария к одному немаловажному, как я полагаю, аспекту биографии Игоря Северянина — а именно устойчивой склонности поэта к выпивке. Сама по себе такая тяга могла бы стать предметом медицинского, а точнее наркологического — психиатрического и физиологического — анализа,¹ но для филолога и историка культуры она интересна своим риторическим обрамлением — набором аргументов, призванных к ее объяснению и посильному оправданию со стороны самого поэта.

Риторика подобных объяснений в каждом конкретном случае по своему определению персональна, но, как подсказывают те же медики, позволяет судить о ней на обобщающем фоне типологически схожих случаев. При том что присутствие алкоголических тем в литературе может считаться универсальным для западноевропейской и американской культуры,² для меня таким фоном послужит русская литература, а шире, русская культура, которая, как и любая культура, существует, с одной стороны, в преемственности, а с другой стороны — в трансформации тех или иных повторяющихся явлений.

Любая традиция меняется, но даже радикальные перемены, как это хорошо знают антропологи, не отменяют их общей редукции к тем или иным базовым основаниям социального и культурного опыта. Для русской традиции, помимо прочего, это и опыт пьянства и навык риторических способов его объяснения.

Разговор о риторике применительно к практикам социального взаимодействия при этом не столь тривиален, как это могло бы показаться. Прежде всего он сложен и интересен

¹ Goodwin D. W. *Alcohol and the Writer*. Kansas City: Andrews and McMeel, 1988. *Ciobica I., Ciobica A., Timofte D., Colibaba S.* General aspects regarding the phenomenon of alcoholism in literature // *International Letters of Social and Humanistic Sciences*. 2015. Vol. 57. P. 35–41.

² Gilmore T. B. *Equivocal Spirits: Alcoholism and Drinking in Twentieth-Century Literature*. Chapel Hill: University of North Carolina Press, 1987. Taylor A. Cultural aspects: illustrations of alcohol use in literature // *Alcohol: Science, Policy and Public Health* / Ed. by Peter Boyle et al. Oxford UP, 2013. P. 30–33.

при прояснении того, что в этих случаях называть риторикой. С одной стороны — и это, казалось бы, очевидно — риторика это дисциплина, описывающая и, вместе с тем, предписывающая приемы речевого, а шире, дискурсивного (письменного, акционального, а теперь — и широко медийного) убеждения.

С другой стороны — это сама речевая деятельность. Анри Мешонник в этой связи остроумно отметил парадокс, который состоит в том, что традиционная риторика (как дисциплина) «рассматривает речевую деятельность исключительно как риторическую», но «хотя мы все без остатка и есть сама речевая деятельность, мы не можем иметь к ней прямого доступа».¹ Что мешает это сделать?

В том виде, в котором риторика в качестве такой дисциплины сложилась уже в античности, она допускает предельно широкие классификации в своих частностях. История филологии умножила и усложнила такие классификации *non plus ultra*. Сегодня, по удачному выражению Георгия Хазагерова, «это Авгиевы конюшни, над которыми бьются Гераклы классической филологии».² Но Геркулесовы столбы финальных редуций остаются прежними: это *inventio* — «изобретение», *dispositio* — «расположение», *elocutio* — «изложение», *memoria* — «припоминание», *pronuntiatio/actio* — «произнесение/жестикаляция, мимика». Но есть и проблема: коль скоро в случае *inventio*, *dispositio* и *elocutio* речь идет о формальных аспектах организации того, что говорится, пишется и показывается, а в случае *memoria* и *pronuntiatio/action* — об эмоциональных особенностях, то возможная иерархия между ними допускает противоречивые, а часто и взаимоисключающие характеристики самой риторики.

Допустимость расширительного представления о риторике подразумевалась уже ее классиками. По рассуждению Цицерона (в «Бруте»), знаменитые ораторы были прежде всего людьми чести и долга, знатоками не только красноречия, но также философии и словесности. Квинтилиан делал

¹ Мешонник А. Рифма и жизнь / Пер. с фр. Ю. Маричик-Сьоли. М., 2014. С. 83.

² Хазагеров Г. Г. Четыре взгляда на троп. М., 2022. С. 49.

из этого следующий шаг: выдающийся оратор должен быть «доблестным мужем» или попросту «хорошим человеком» (*vir bonus*), выделяющимся не только своими способностями к красноречию, но и добродетелями души, востребованным в общественных и частных нуждах.¹ Ни Цицерон, ни Квинтилиан не предполагали, конечно, что акцент на гражданских качествах оратора снимает с него обязанность овладения навыками виртуозной речи, но в глазах аудитории требования, предъявляемые к оратору, в существенной мере были (и остаются по сей день) безразличными к формальным и силлогистическим особенностям ораторского говорения. Психолингвистические исследования последнего столетия придали этому наблюдению лабораторную убедительность: восприятие любого текста зависит от социальных и психологических установок реципиента — так называемых ситуативных predispositions (прежде всего — отношения к автору текста), создающих своего рода модель «опережающего» истолкования смысла информации.²

У этого вопроса есть и свой этический извод, который тоже был подмечен очень давно. По определению, возводимому античной традицией к сицилийскому оратору Кораксу (VI в. до н. э.), целью оратора является не раскрытие истины, но убедительность при помощи вероятного.³ В достижении такой цели, по Платону (в «Горгии»), «знать существо дела красноречию нет никакой нужды, надо только отыскать какое-то средство убеждения, чтобы казаться невеждам большим знатоком, чем истинные знатоки».⁴ Но если софистическая риторика — это риторика «мнений», а значит и обмана, то исправить это положение, как настаивает

¹ «Oratorem autem instituimus illum perfectum, qui esse nisi vir bonus non potest, ideoque non dicendi modo eximiam in eo facultatem sed omnis animi virtutes exigimus vir ille vere civilis et publicarum privatarumque rerum administrationi accommodatus» (Inst. Orat. Prohomoium. IX–X).

² Wertsch J. The Influence of Listener Perception of the Speaker on Recognition Memory // Journal of Psycholinguistic Research. 1975. Vol. 4. P. 89–98.

³ Hinks D. A. G. Tisias and Corax and the Invention of Rhetoric // The Classical Quarterly, 1940. Vol. 34.1. № 2. P. 61.

⁴ Платон. Горгий / Пер. С. П. Маркиша / Платон. Диалоги. М., 2008. Т. 1. Кн. 1. С. 273.

тот же Платон в «Федре», должны философы, стремящиеся к истине. Но и эта надежда не отменяет дейктической проблемы говорения — ведь ораторская речь, как замечал уже Аристотель (Rhet. 1358 b), «слагается из трех элементов: из самого оратора, из предмета, о котором он говорит, и из лица, к которому он обращается; оно-то и есть конечная цель всего (я разумею слушателя)».¹ Однако и оратор и слушатель — величины непостоянные: аудитория наделена этосом — возрастными и социальными характеристиками, — а значит и пафосом, то есть страстями, придающими риторическим доказательствам (логосу) неизбежные и преимчивые эмоции.

Все эти обстоятельства и раньше и теперь ведут к дискуссиям о «правильной» и «неправильной», «старой/устаревшей» и «новой» риторике. Как теперь выясняется, существует не одна риторика, а несколько. Но если это так, то что дает нам накопленный арсенал знаний о риторике как дисциплине?

Теоретические сложности в разговорах о риторике не снимают вместе с тем вопроса о том, какие ее особенности как дисциплины и как «естественной» речи выражают себя в опыте той или иной культурной традиции. Рассмотрение отдельных примеров — и их соотнесения друг с другом — представляется здесь занятным и поучительным.

Но вернемся к Северянину.

Поэт временами много пил, а его пьянство приобретало пугающие черты. Ф. Ф. Фидлер, хорошо знавший литературную среду дореволюционного Петербурга в октябре 1913 года записывает в дневнике свой разговор с Сологубом о Северянине. По словам Сологуба (к этому времени разорвавшего отношения с Северяниным после сорвавшейся поездки с чтением стихов по Западной России):

Он (Северянин) пьет так сильно, что его организм уже не может принимать пищи. Несколько лет назад у него был роман с дочкой какого-то портъе, родившей ему младенца; она требовала через суд, чтобы он взял на себя заботу о ребенке, но он отказался признать свое отцовство. Теперь

¹ Аристотель. Риторика / Пер. Н. Платоновой // Античные риторика. М., 1978. С. 24.

у него сын от какой-то портнихи; он и в этот раз хотел отречься от матери с ребенком, но Сологуб и Чеботаревская уговорили его взять обоих к себе. Теперь «жена» содержит его трудом своих рук, сам же он существует лишь за счет родственников, предоставляющих ему бесплатное жилье и 50 рублей ежемесячно (которые он пропивает).¹

В воспоминаниях Сергея Спасского, впервые увидевшего Северянина ранее в том же году в Тифлисе (во время совместного турне с Сологубом), гостиничное времяпрепровождение поэта описывается так:

Мы пошли через смежный номер. Там находился Северянин. Он полулежал на диване в старой тужурке, невыспавшийся, с несвежим, опухшим лицом. На столе перед ним — графин водки и тарелка с соленым огурцом. Отрывисто и важно он сообщил, что вскоре выйдет «Громокипящий кубок». <...> Был пьян и сам Северянин. Мутно смотря поверх присутствующих в пространство, выпевал вьезшийся в уши мотив. Казалось, он не воспринимает ничего, механически выбрасывая хлесткие фразы. Вдруг покачивался, будто вот упадет.²

26 декабря того же 1913 года Северянин вместе с Маяковским выехали в Симферополь. По воспоминаниям самого Северянина, в поезде они «сидели большей частью в вагоне ресторане и бесконечно беседовали за стаканом красного вина», а в самом Симферополе в гостинице Бристоль «почти ежевечерне пили шампанское: <...> пивали обыкновенно по шести бутылок».³

Поэтически, но тоже недвусмысленно, о пристрастиях и облике Северянина этих лет вспомнит Маяковский в поэме «Облако в штанах» (1915):

¹ Фидлер Ф. Ф. Из мира литераторов: характеры и суждения / Изд. подгот. К. М. Азадовский. М., 2008. С. 610. В комментарии к этой записи К. Азадовский указывает: «Видимо в устном рассказе Ф. Сологуба отразились кратковременные (в 1908 г.) отношения Игоря Северянина с Е. Т. Гутцан, плодом которых была дочь Тамара (в замуж. — Шмук), и его роман с Е. Я. Золотаревой в 1912–1915 гг. (в 1913 г. у них родилась дочь Валерия, в замуж. — Семенова) (Там же, с. 722).

² Спасский С. Маяковский и его современники. М., 1933. — цит. по: <http://severyanin.lit-info.ru/severyanin/vospominaniya-o-severyanine/spasskij-mayakovskij-i-ego-sovremenniki.htm> (дата обращения — 09.07.2023)

³ Северянин И. Сочинения: В 5 т. Т. 5. СПб., 1996. С. 170, 171.

из сигаретного дыма
ликерною рюмкой
вытягивалось пропитое лицо Северянина.¹

Судя по мемуарным свидетельствам ситуация не сильно изменилась и в последующие годы. В 1915 году Фидлер записывает, со слов Корнея Чуковского, впечатление от устроенного Северяниным «поэзовечера»:

Попасть на этот вечер было труднее, чем на концерт или выступление Шаляпина. Почти исключительно — девицы; при появлении явно подвыпившего поэта они пожирали его такими сладострастно восхищенными глазами, что «наверно, могли забеременеть от одного созерцания».²

Много позднее Василий Шульгин вспомнит о Северянине и его жене-эстонке Фелиссе Круут, которая пыталась отучить поэта от пагубной привычки:

Он был совершенно непутевый; 100%-ая богема, и на чисто русском рассоле. Она [Фелисса Круут — К. Б.] была от балтийской воды; он — от российской водки. Он, по-видимому, пил запоем, когда она стала его женой. <...> Сколько раз ей казалось, что одержана окончательная победа; и вдруг он запивал так, как будто хотел проглотить всю «балтийскую лужу» Сколько «честных» слов оказались бесчестными?³

Интересно, что в своей автобиографической поэме «Падающая стремнина» сам Северянин вложит в уста своей возлюбленной Златы целый монолог о беде пьянства и ее упреки к нему:

А мой отец (Господь, прости мне эти
Для дочери опасные слова!

¹ Маяковский В. В. Полное собрание сочинений в 13 т. Т. 1. М., 1955. С. 187. Следующие две строки «Как вы смеете называться поэтом / И, серенький, чиркать, как перепел!» возможно содержат каламбур: серенький — Северянин, перепел — перепил. Маяковский раздражительно упоминал Северянина и в последующие годы. Об этом: Кацис Л. Ф. Владимир Маяковский. Поэт в интеллектуальном контексте эпохи. М., 2000. С. 114–117.

² Фидлер Ф. Ф. Из мира литераторов: характеры и суждения. С. 660.

³ Дневник Василия Шульгина. Запись от 7 января 1951 года / РГА-ЛИ. Цит. по: <http://severyanin.lit-info.ru/severyanin/vospominaniya-oseveryanine/dnevnik-shulgina.htm> (дата обращения — 09.07.2023)

Пропойца, негодяй, он нехороший,
 Нечестный человек. Вы пьете с ним.
 При том, мне кажется, гораздо больше,
 Чем следует; не глупо ль прозвучало,
 Что следует пить водку, эту мерзость,
 Губящую как тело, так и дух?
 Я — враг ее: она мне причинила
 Так много горя; матери моей
 Ускорила кончину, потому что
 Отец мой, вечно пьяный, поведением
 Бессовестным ее в могилу свел.
 Я — враг ее, а раз отец — пропойца,
 Естественно, что и ему я враг.
 И если вы действительно хотите
 Мне другом быть, не пейте больше, милый,
 И не ходите в этот дом проклятый,
 Где нераздельно властвует вино.¹

Здесь же не обошлось без мазохистических воспоминаний:

Знакомая прекрасно обстановка
 Отчаянье такое всколыхнула
 Во мне, что стал я пить, и в результате
 Допился до потери представленья,
 Где я, зачем и что со мной...²

Между тем, апология опьянения — реального или воображаемого — часто встречается в стихах Северянина.³ Уже в ранних стихотворениях оно равносильно поэтической свободе от унылого и суетного быта:

Как нам не пить, когда в вине — забвеньё,
 И гордый мир, и бодрость, и мечты...

¹ Северянин И. Сочинения: В 5 т. Т. 4. СПб., 1995. С. 197.

² Там же. С. 222.

³ См.: «Бокал прощенья» (1907), «Звезды» (1907), «Юг на севере» (1910), «Эпиталама» (1911), «На Островах» (1911), «Шампанский полонез» (1912), «Те, кого так много», «Икра и водка», «Последняя любовь», «Знатная дама», «Бродячая собака» (1915), «Прежде и теперь», «"Поэза Villa mon heros"» (1921), «Чьи грёзы?», «Мы победим!», «Увертюра (Ананасы в шампанском)» (1915), «Орешек счастья», «Г-н Цап-Царап», «И это явь», «Памяти Н. И. Кульбина» (1918), «Поэза влияний *Srème d'Erinne Vinete*», «Поэза новых штрихов» (1920), «Станюкович», «Сонет Бальмонту» (1920), «Верлен» (1926), «Потемкин» (1926), «В пути» (1928).

Вино, вино! Ты — символ вдохновенья,
Аэростат от вздорной суеты.
За знойный темп думанного мгновенья
Я отдаю столетья темноты..
И, как не пить, когда в вине — забвенье,
Когда в вине — державные мечты! (1909, Октябрь)

Как лютик, упоенный лютней, —
Я человек не из людей..
И право, как-то жить уютней
С идей: пить из-за идей. (1909, Март)

Поэтическим манифестом, оправдывающем «пьянство поэта» стало стихотворение Северянина «На смерть Фофанова» (1911) — поэта и человека, исключительно близкого и превозносимого Северяниным в качестве своего друга и наставника:

Пока поэт был жив, его вы поносили,
Покинули его, бежали, как чумы..
Пред мудрым опьянением — от бессилья
Дрожали трезвые умы!
Постигнете ли вы, «прозаики-злодеи»,
Почтенные отцы, достойные мужи,
Что пьяным гением зажженные идеи —
Прекрасней вашей трезвой лжи?!
Постигнете ли вы, приличные мерзавцы,
Шары бездарные в шикарных котелках,
Что сердце, видя вас, боялось разорваться,
Что вы ему внушали страх?!
Не вам его винить: весь мир любить готовый
И видя только зло, — в отчаяньи, светло
Он жаждал опьянеть, дабы венец терновый,
Как лавр, овил его чело!..
Я узнаю во всем вас, дети злого века!
Паденье славного — бесславных торжество!
Позорно презирать за слабость человека,
Отнявши силы у него.¹

Это занятный текст. Главные доводы в оправдание пьянства К. Фофанова в глазах самого Северянина, вероятно,

¹ Северянин И. Сочинения: В 5 т. Т. 1. СПб., 1995. С. 165.

относимы и к нему самому. Мир поэта — это пьяный и равно возвышенный и честный мир, которому противостоит толпа мерзавцев в котелках. Да, пьянство — это слабость, но такова цена «мудрого опьянения» — бегства от зла к любви к красоте.

Редкий мемуарист не упоминает о пьянстве Фофанова. Истории о пьянстве поэта сопутствуют его биографии. О некоторых из них поведали в своих дневниках упомянутый выше Фидлер и Иероним Ясинский — литературный критик и писатель, активно сотрудничавший с целым рядом российских журналов конца XIX — начала XX века.

В воспоминаниях Ясинского рассказ о знакомстве с Фофановым выглядит характерно. При встрече поэт отрекомендовался так:

Я не кончил второго класса училища. Но все же поэт знает больше, чем ученый. Может быть, даже хорошо, что я не знаю ничего того, что знают другие поэты. Я — поэт Божьей милостью. <...> Отец мой был дровяником и горьким пьяницей, а от вина рождается не только блуд, но и поэзия, он родил меня, и я сочетаю в своем лице и то, и другое <...> Можно сказать, он пьянствовал всю жизнь. Он не мог писать стихи, если не выпьет. Выпивши, он говорил невероятные глупости, сравнивая себя с Иоанном Кронштадтским, с Толстым и — с Иисусом Христом... А поэтическая фраза лилась из-под его карандаша или пера непринужденно, красиво, легко.¹

Максим Горький, познакомившийся с Фофановым незадолго до его смерти, писал о нем:

Он был невыносимо, до страшного жалок, всегда пьяный, оборванный и осмеиваемый, но как бы ни был он сильно пьян, его небесно-голубые глаза сияли именно так, как это изобразил Репин... Несколько раз он присылал ко мне за деньгами... Сам Конст. Мих. был у меня лишь однажды и... совершенно пьяный <...> говорил он что-то бессвязное, непонятное <...> Потом спросил вина, <...> выпив, уснул на диване, а через час или два незаметно ушел.²

¹ Ясинский И. И. Роман моей жизни. М.; Л., 1926. С. 173–174.

² Смиренский В. Из переписки с М. Горьким // Горький М. Собр. соч. в 30-ти томах. Т. 29. М., 1955. С. 461–462.

Фофанов, конечно, не был единственным поэтом, запомнившимся современникам не только качеством стихов, но и количеством выпитого им спиртного. Пьяные выходки поэта, страдавшего наследственным алкоголизмом, могли бы составить отдельную грустно-анекдотическую историю. Ранимость поэта сопутствует в этих «анекдотах» воспоминаниям о его семейных неурядицах, публичных скандалах и скабрзностях, тяжелой психопатии и неврастении, гнетущей бедности, медицинским хлопотам и, наконец, его смерти 48 лет отроду, подытожившей его равно разгульную и невеселую жизнь.

Судьба Фофанова высвечивает немаловажные особенности в самой проблематике «литературного пьянства». Биографическая история русской культуры многолюдна многопьющими художниками, музыкантами, писателями и поэтами. В этом ряду, берущим начало с имен Ломоносова¹ и, особенно, Сумарокова,² история продолжается в умеренном винопитии романтиков, которая постепенно становится историей близких к алкоголизму писателей разnochинцев и народников. В их числе — умершие от запоев Лев Мей (1822–1862) и Аполлон Григорьев (1822–1864)³, Николай Помяловский (1835–1863), умерший от заражения

¹ См. эпиграмму В. Тредиаковского на Ломоносова: «Хоть глотку пьяную закрыл, отвиши зоб / Не возьмешь ли с собой ты бочку пива в гроб? / И так же ли счастлив мнишь в будущем ты веке, / Как здесь у многих ты в приязи и опеке? / Никак там твой покров и черт и сатана? / Один охотник сам до пива и вина, / Другой за то тебя поставит в аде паном, / Что крюком в ад влечет, а ты большим стаканом» (Поэты XVIII века / Под ред. Г. П. Макогоненко. М., 1972. С. 399).

² *Гуковский Г. А.* Сумароков и его литературно-общественное окружение // История русской литературы: В 10 т. Т. III. Ч. 1. М.-Л., 1941. «Под конец своей жизни Сумароков жил в Москве, в Кудрине, на нынешней площади. Дядя (И. И. Дмитриев) мой был 17 лет, когда он умер. Сумароков уже был предан пьянству без всякой осторожности. Нередко видал мой дядя, как он отправлялся пешком в кабак через Кудринскую площадь, в белом шлафроке, а по камзолу, через плечо, анненская лента. Он женат был на какой-то своей кухарке и почти ни с кем не был уже знаком». (*Дмитриев М. А.* Мелочи из запаса моей памяти. М., 1869. С. 20–21).

³ *Венгеров С.* Григорьев А. А. // Энциклопедический словарь Брокгауза-Ефрона. Т. IXа. Гравилат — Давенант. СПб., 1893. С. 722.

крови после длительного припадка белой горячки;¹ Александр Левитов (1835–1877), бродяжничавший по трущобам и умерший от чахотки после длительных запоев;² Федор Решетников (1841–1877), скончавшийся от отека легких в результате алкоголизма;³ Николай Успенский (1837–1889), зарезавшийся по пьяни перочинным ножиком в московском переулке.⁴ Алкоголизм в конечном счете довел до смерти Леонида Андреева (1871–1919).⁵ Писатели были не одиноки: от пьянства умер художник Леонид Соломаткин (1837–1883)⁶ и композитор Модест Мусоргский (1839–1881).⁷ Тя-

¹ «В сентябре 1863 года, после сильного припадка *delirium tremens*, продолжавшегося несколько дней, у него открылась опухоль в ноге и затем образовался нарыв, по вскрытии которого в клинике Медико-Хирургической Академии обнаружилась гангрена, и 5-го октября 1863 года П. умер» (Русский биографический словарь. Т. 14: Плавильщиков — Примо. СПб., 1905. С. 500).

² Венгеров С. Левитов А. И. // Энциклопедический словарь Брокгауза-Ефрона. Т. XVII. Култагой — Лед. СПб., 1896. С. 439.

³ См. воспоминания Глеба Успенского: «Когда я появился в Петербурге в 61 году, то было два резких явления — начало движения молодежи и пьянство остатков и полуталантов, людей 40-х годов, людей старого воспитания. Я жил между теми и другими. Аполлон Григорьев, Аверкиев, Курочкин В[асилий], Якушкин, Левитов, Решетников, Помяловский, Куцевский, Демерт, С. И. Максимов <...> и тьмы тем пьяных людей. Никуда нельзя было прийти, чтобы не натолкнуться на пьяные сцены. Я года два только и делал, что возил пьяных в белой горячке в больницы, выправлял из квартала, звонил к дворнику — «не ваш ли?» (Из письма Г. И. Успенского к В. А. Гольцеву, без даты (1888, декабрь) // Успенский Г. И. Сочинения и письма в одном томе. Л. — М., 1929. С. 612–613). «С крупными писателями я не имел никаких связей, а мои товарищи — люди старше меня лет на десять — почти все без исключения погибали на моих глазах, так как пьянство было почти чем-то неизбежным для тогдашнего талантливого человека. Все эти подверженные сивушной гибели люди были уже известны в литературе, и, живи они в наше время, когда можно на полной свободе „пленять своим искусством искусством свет“, — они бы написали много изящных произведений» (Глеб Успенский в жизни. По воспоминаниям, переписке и документам. М.-Л., 1935. С. 63–64).

⁴ Чуковский Н. Жизнь и творчество Н. Успенского // Успенский Н. Сочинения. Т. 1. М.-Л., 1933. С. 60–61.

⁵ Уайт Ф. «Тайная жизнь» Леонида Андреева: история болезни // Вопросы литературы. 2005. № 1. С. 323–339.

⁶ Леонид Иванович Соломаткин. Жизнь и творчество. СПб., 1997. С. 23–25.

⁷ Тиганов А. С. Модест Петрович Мусоргский // Психиатрия. 2015. № 3. С. 95–97. Березуцкий В. И., Березуцкая М. С. М. П. Мусоргский: взаимовлияние творчества и алкоголизма // Журнал неврологии и психиатрии им. С. С. Корсакова. 2020. Т. 120. № 2. С. 66–75.

желыми запоями страдали М. И. Глинка,¹ П. И. Чайковский,² А. К. Глазунов.³

Тема пьянства важна для творчества Н. А. Некрасова (при том, что сам Некрасов пил мало), тем интереснее его поэтические объяснения пьянству как социальному и психологическому явлению в поэме «Кому на Руси жить хорошо». Такова, в частности, речь Якима Нагого в главе «Пьяная ночь» выясняется:

Нет меры хмелю русскому.
А горе наше меряли?
<...>
У каждого крестьянина
Душа, что туча черная.
Гневна, грозна; и надо бы
Громам греметь оттудова,
Кровавым лить дождям.
А все вином кончается:
Пошла по жилам чарочка —
И рассмеялась добрая
Крестьянская душа!..»

«Нам подобает пить!
Пьем — значит, силу чувствуем!
Придет печаль великая,
Как перестанем пить!..»⁴

Из истории написания поэмы известно, что одним из вариантов окончательного ответа на поставленный в ее

¹ *Ерышев О. Ф.* Последнее письмо М. И. Глинки. Патографические заметки о личности композитора // *Обозрение психиатрии и медицинской психологии.* 2013. № 4. С. 107–112.

² *Wiley R. J.* The Circumstances of Tchaikovsky's Death // *Tchaikovsky.* Oxford: Oxford UP, 2009. P. 446–447. *Фролов С. В.* Пьянство в контексте творческого процесса позднего Чайковского // *Литературный текст: проблемы и методы исследования.* 8. Мотив вина в литературе. Сб. науч. тр. Тверь, 2002. С. 49–56.

³ *Луконин Д. Е.* «Больно видеть, как мало признаются... его заслуги». Беляевский кружок в художественной жизни России (конец XIX — начало XX века). М., 2016. С. 216–219.

⁴ *Некрасов Н. А.* Полное собрание сочинений и писем: В 15 т. Т. 5. СПб., 1982. С. 43, 47.

названии вопрос должен был оказаться мужичок во хмелю, которого крестьяне-странники встречают в кабаке.¹

Штабс-капитан Снегирев в «Братьях Карамазовых» Достоевского объясняет пьянство так: «В России пьяные люди у нас и самые добрые. Самые добрые люди у нас и самые пьяные. Добрыми становятся люди в ненормальном состоянии. Каков же нормальный человек? Злой. Пьют добрые, но плохо поступают тоже добрые. Добрые забыты обществом, жизнью правят злые».²

Мазохистично признание спившегося чиновника Семена Мармеладова в «Преступлении и наказании»: «Пью, ибо сугубо страдать хочу».³ Мастер-кузнец Левша из сказа Лескова пьет на спор, но тоже горемычно: поспорив с англичанином, кто кого перепьет, он умирает от белой горячки. Пристрастны к пьянству и положительные герои малой прозы Скитальца — и это пьянство оправдано, как свидетельство «широты русской души» и добровольной жертвенности.⁴ Большая и малоизученная тема — мотивы опьянения и пьянство самого Блока (хотя материалов для этого и дневниковых и мемуарных более чем достаточно).

Обзор «алкогольной темы» в русской литературе без сомнения мог бы послужить материалом обширного исследования. В нашем случае вышеприведенного беглого перечня достаточно, чтобы присмотреться к риторике «литературного» — мотивного и собственно биографического, бытового пьянства русских писателей и поэтов. Ключевые слова в этой истории находятся несложно: с одной стороны — это бегство от рутины повседневности, забвение, восторг и вдохновение,

¹ Успенский Г. И. «Кому на Руси жить хорошо» // Некрасов в воспоминаниях современников. М., 1971. С. 374–375. Михайловский Н. К. Полн. собр. соч. 4-е изд. СПб., 1906–1909. Т. 7. СПб., 1909. С. 22.

² Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений: в 30-ти томах. Т. 15. Л., 1976. С. 222.

³ Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений: в 30-ти томах. Т. 6. Л., 1973. С. 15.

⁴ Чэн Лян. Мотив пьянства в прозе Скитальца (С. Г. Петрова) и Лу Синя: к вопросу о русском и китайском менталитетах // Современные проблемы литературоведения, лингвистики и коммуникативистики глазами молодых ученых. Традиции и новаторство: сборник статей с международным участием. Вып. XII. Уфа: РИЦ БашГУ, 2021. С. 94–101.

с другой — горе, но и жертва, безысходность, но зато и жизненная правда, сострадание и любовь.

Для антрополога естественно думать, о чем писала уже Мэри Дуглас, что «выпивка является по своей сути социальным актом, совершаемым в общепризнанном социальном контексте».¹ Для литературного мира таким контекстом, по видимому, служили разные вещи — с одной стороны, общество, хотя и осуждавшее, но и примирявшееся с пьянством как устойчивой приметой социального окружения и национального характера. С другой стороны, таким контекстом была уже сложившаяся традиция литературных примеров, подсказывающих, как можно и нужно писать в границах тех или иных жанров и направлений — будь то, условно говоря, романтизм, реализм, декаданс или что-то другое. Психологические исследования доказывают, что сам интерес к алкогольной тематике в литературе тем сильнее, чем с более позитивными ценностями эта тематика ассоциируется. А вера в то, что художественно одаренные люди пристрастны к алкоголю объяснима ценностями самого творчества как свободы выражения.²

Применительно к российской культуре показательным и важным здесь является следующее: это столкновение собственно поведенческих и дискурсивных моделей риторики в пользу первых. Возможно, основной причиной этого обстоятельства стали, с одной стороны, традиции церковной гомилетики, эпидейктического красноречия (а не традиции совещательного и судебного красноречия, как то было в Западной Европе), с другой — прокламируемый отказ от школьной и университетской риторики, убеждение в необязательности риторического образования вообще.³ Вероятно, поэтому же: не/риторический вопрос «пить или не пить» в русской литературе ставился — а часто все еще и ставится — как вопрос «быть или не быть».

¹ Douglas M. Constructive drinking. Perspectives on Drink from Anthropology. Cambridge: Cambridge UP, 1987. P. 4.

² Chu T., Au W. T., Hoyan C. H. F. Effect of alcohol-related poems on drinking // Cogent Psychology. Vol. 2019. No. 6. — 1586079 <https://doi.org/10.1080/23311908.2019.1586079> (дата обращения — 09.07.2023)

³ Богданов К. А. О крокодилах в России. Очерки из истории заимствований и экзотизмов. М., 2008. С. 68–104.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Березуцкий В. И., Березуцкая М. С. М. П. Мусоргский: взаимовлияние творчества и алкоголизма // Журнал неврологии и психиатрии им. С. С. Корсакова. 2020. Т. 120. № 2. С. 66–75.
2. Богданов К. А. О крокодилах в России. Очерки из истории заимствований и экзотизмов. М., 2008.
3. Венгеров С. Григорьев А. А. // Энциклопедический словарь Брокгауза-Ефрона. Т. IXа. Гравилат — Давенант. СПб., 1893.
4. Венгеров С. Левитов А. И. // Энциклопедический словарь Брокгауза-Ефрона. Т. XVII. Култагой — Лед. СПб., 1896.
5. Гукковский Г. А. Сумароков и его литературно-общественное окружение // История русской литературы: В 10 т. Т. III. Ч. 1. М.-Л., 1941.
6. Ерышев О. Ф. Последнее письмо М. И. Глинки. Патографические заметки о личности композитора // Обзорение психиатрии и медицинской психологии. 2013. № 4. С. 107–112.
7. Кацис Л. Ф. Владимир Маяковский. Поэт в интеллектуальном контексте эпохи. М., 2000.
8. Луконин Д. Е. «Больно видеть, как мало признаются... его заслуги». Беляевский кружок в художественной жизни России (конец XIX — начало XX века). М., 2016.
9. Мешонник А. Рифма и жизнь / Пер. с фр. Ю. Маричик-Сьоли. М., 2014.
10. Русский биографический словарь. Т. 14: Плавильщиков — Примо. СПб., 1905.
11. Спасский С. Маяковский и его современники. М., 1933. <http://severyanin.lit-info.ru/severyanin/vospominaniya-o-severyanine/spasskij-mayakovskij-i-ego-sovremenniki.htm> (дата обращения — 09.07.2023)
12. Тиганов А. С. Модест Петрович Мусоргский // Психиатрия. 2015. № 3. С. 95–97.
13. Уайт Ф. «Тайная жизнь» Леонида Андреева: история болезни // Вопросы литературы. 2005. № 1. С. 323–339.
14. Успенский Г. И. «Кому на Руси жить хорошо» // Некрасов в воспоминаниях современников. М., 1971.
15. Фролов С. В. Пьянство в контексте творческого процесса позднего Чайковского // Литературный текст: проблемы и методы исследования. 8. Мотив вина в литературе. Сб. науч. тр. Тверь, 2002. С. 49–56.
16. Хазагеров Г. Г. Четыре взгляда на троп. М., 2022.
17. Чуковский Н. Жизнь и творчество Н. Успенского // Успенский Н. Сочинения. Т. 1. М.-Л., 1933.

18. Чэн Лян. Мотив пьянства в прозе Скитальца (С. Г. Петрова) и Лу Синя: к вопросу о русском и китайском менталитетах // Современные проблемы литературоведения, лингвистики и коммуникативистики глазами молодых ученых. Традиции и новаторство: сборник статей с международным участием. Вып. XII. Уфа: РИЦ БашГУ, 2021. С. 94–101.
19. *Chu T., Au W. T., Hoyan C. H. F.* Effect of alcohol-related poems on drinking // *Cogent Psychology*. Vol. 2019. No. 6. — 1586079 <https://doi.org/10.1080/23311908.2019.1586079> (дата обращения — 09.07.2023)
20. *Ciobica I., Ciobica A., Timofte D., Colibaba S.* General aspects regarding the phenomenon of alcoholism in literature // *International Letters of Social and Humanistic Sciences*. 2015. Vol. 57. P. 35–41.
21. *Douglas M.* Constructive drinking. Perspectives on Drink from Anthropology. Cambridge: Cambridge UP, 1987.
22. *Gilmore T. B.* Equivocal Spirits: Alcoholism and Drinking in Twentieth-Century Literature. Chapel Hill: University of North Carolina Press, 1987.
23. Goodwin D. W. Alcohol and the Writer. Kansas City: Andrews and McMeel, 1988.
24. *Hinks D. A. G.* Tisias and Corax and the Invention of Rhetoric // *The Classical Quarterly*, 1940. Vol. 34.1. № 2. P. 61.
25. *Taylor A.* Cultural aspects: illustrations of alcohol use in literature // *Alcohol: Science, Policy and Public Health*. / Ed. by Peter Boyle et al. Oxford UP, 2013. P. 30–33.
26. *Wertsch J.* The Influence of Listener Perception of the Speaker on Recognition Memory // *Journal of Psycholinguistic Research*. 1975. Vol. 4. P. 89–98.
27. *Wiley R. J.* The Circumstances of Tchaikovsky's Death // *Tchaikovsky*. Oxford: Oxford UP, 2009.

REFERENCES

1. *Berezuckij V. I., Berezuckaya M. S.* М. П. Мусоргский: взаимовлияние творчества и алкоголизма // *ZHurnal nevrologii i psikiatrii im. S. S. Korsakova*. 2020. T. 120. № 2. S. 66–75. (In Russ.)
2. *Bogdanov K. A.* O krokodilah v Rossii. Oчерki iz istorii zaimstvovaniy i ekzotizmov. M., 2008. (In Russ.)
3. *Chen Lyan.* Motiv p'yanstva v proze Skital'ca (S. G. Petrova) i Lu Sinya: k voprosu o russkom i kitajskom mentalitetah // *Sovremennye problemy literaturovedeniya, lingvistiki i kommunikativistiki glazami molodyh uchenyh. Tradicii i novatorstvo: sbornik statej*

- s mezhdunarodnym uchastiem. Vyp. XII. Ufa: RIC BashGU, 2021. S. 94–101. (In Russ.)
4. *Chu T., Au W. T., Hoyan C. H. F.* Effect of alcohol-related poems on drinking // *Cogent Psychology*. Vol. 2019. No. 6. — 1586079 <https://doi.org/10.1080/23311908.2019.1586079> (data obrashcheniya — 09.07.2023)
 5. *Chukovskij N.* Zhizn' i tvorchestvo N. Uspenskogo // *Uspenskij N. Sochineniya*. T. 1. M.-L., 1933. (In Russ.)
 6. *Ciobica I., Ciobica A., Timofte D., Colibaba S.* General aspects regarding the phenomenon of alcoholism in literature // *International Letters of Social and Humanistic Sciences*. 2015. Vol. 57. P. 35–41.
 7. *Douglas M.* Constructive drinking. Perspectives on Drink from Anthropology. Cambridge: Cambridge UP, 1987.
 8. *Eryshev O. F.* Poslednee pis'mo M. I. Glinki. Patograficheskie zametki o lichnosti kompozitora // *Obozrenie psichiatrii i medicinskoj psihologii*. 2013. № 4. S. 107–112. (In Russ.)
 9. *Frolov S. V.* P'yanstvo v kontekste tvorcheskogo processa pozdnego CHajkovskogo // *Literaturnyj tekst: problemy i metody issledovaniya*. 8. Motiv vina v literature. Sb. nauch. tr. Tver', 2002. S. 49–56. (In Russ.)
 10. *Gilmore T. B.* Equivocal Spirits: Alcoholism and Drinking in Twentieth-Century Literature. Chapel Hill: University of North Carolina Press, 1987.
 11. *Goodwin D. W.* Alcohol and the Writer. Kansas City: Andrews and McMeel, 1988.
 12. *Gukovskij G.* A. Sumarokov i ego literaturno-obshchestvennoe okruzenie // *Istoriya russkoj literatury: V 10 t. T. III. CH. 1. M.-L., 1941. (In Russ.)*
 13. *Hazagerov G. G.* Chetyre vzglyada na trop. M., 2022. (In Russ.)
 14. *Hinks D. A. G.* Tisias and Corax and the Invention of Rhetoric // *The Classical Quarterly*, 1940. Vol. 34.1. № 2. P. 61.
 15. *Kacis L. F.* Vladimir Mayakovskij. Poet v intellektual'nom kontekste epohi. M., 2000. (In Russ.)
 16. *Lukonin D. E.* «Bol'no videt', kak malo priznayutsya... ego zaslugi». Belyaevskij kruzhok v hudozhestvennoj zhizni Rossii (konec XIX — nachalo XX veka). M., 2016. (In Russ.)
 17. *Meshonnik A.* Rifma i zhizn' / Per. s fr. Yu. Marichik-S'oli. M., 2014. (In Russ.)
 18. *Russkij biograficheskij slovar'.* T. 14: Plavil'shchikov — Primo. SPb., 1905. (In Russ.)
 19. *Spasskij S.* Mayakovskij i ego sovremenniki. M., 1933. <http://severyanin.lit-info.ru/severyanin/vospominaniya-o-severyanine/>

- spasskij-mayakovskij-i-ego-sovremenniki.htm (data obrashcheniya — 09.07.2023) (In Russ.)
20. *Taylor A.* Cultural aspects: illustrations of alcohol use in literature // *Alcohol: Science, Policy and Public Health.* / Ed. by Peter Boyle et al. Oxford UP, 2013. P. 30–33.
 21. *Tiganov A. S.* Modest Petrovich Musorgskij // *Psihiatriya.* 2015. №. 3. S. 95–97. (In Russ.)
 22. *Uajt F.* «Tajnaya zhizn'» Leonida Andreeva: istoriya bolezni // *Voprosy literatury.* 2005. № 1. С. 323–339. (In Russ.)
 23. *Uspenskij G. I.* «Komu na Rusi zhit' horosho» // *Nekrasov v vospominaniyah sovremennikov.* M., 1971. (In Russ.)
 24. *Vengerov S. Grigor'ev A. A.* // *Enciklopedicheskij slovar' Brokgauza-Efrona.* T. IXa. Gravitat — Davenant. SPb., 1893. (In Russ.)
 25. *Vengerov S. Levitov A. I.* // *Enciklopedicheskij slovar' Brokgauza-Efrona.* T. XVII. Kultagoj — Led. SPb., 1896. (In Russ.)
 26. *Wertsch J.* The Influence of Listener Perception of the Speaker on Recognition Memory // *Journal of Psycholinguistic Research.* 1975. Vol. 4. P. 89–98.
 27. *Wiley R. J.* The Circumstances of Tchaikovsky's Death // *Tchaikovsky.* Oxford: Oxford UP, 2009.